

УДК 323.21(575.2)

**БИНАРНЫЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ КЫРГЫЗСТАНА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА
ВЗАИМОСОСУЩЕСТВОВАНИЯ ЛИДЕРА И ОБЩЕСТВА**

Ф.Д. Хайбулина

Анализируется эволюция взаимоотношения власти и общества на примере презентационных моделей, характерных для каждого этапа развития кыргызстанского общества. Исследования современной политической жизни Кыргызстана через структурный анализ укладываются в метод бинарных противопоставлений. В данном методе бинарные оппозиции используются не только с целью сопоставления элементов интересующего нас того или иного лидера, его политической платформы, предвыборных обещаний и анализа постправящих итогов. Демократические институты презентуются как неактуальные, локальные исторические реалии. Что касается презентационных реалий современной политической жизни, то они преобразуют непосредственно в своем контексте основные идеи в трех конкретных планах: история, физический и духовный мир этноса. Даны рекомендации взаимодействия различных политических структур в условиях современного мира.

Ключевые слова: политическая система; семантическая система; мифологема; лидер; традиция; презентация.

**ЛИДЕР МЕНЕН КООМДУН ЧОГУУ ЖАШООСУН ТАЛДООСУН
НЕГИЗИНДЕ КЫРГЫЗСТАНДЫН САЯСИЙ
ТУРМУШУНДАГЫ ЭКИЛИК КАРШЫЛЫКТАР**

Ф.Д. Хайбулина

Макалада кыргыз коомунун өнүгүүсүнүн ар бир баскычына мүнөздүү презентация моделдеринин мисалында бийлик менен коомдун ортосундагы мамилелердин эволюциясы талдоого алынат. Кыргызстандагы заманбап саясий турмушту түзүмдүк талдоо аркылуу изилдөө экилик оппозициянын методикасына туура келет. Бул методдо экилик каршылыктар бизди кызыктырган белгилүү бир лидердин элементтерин, анын саясий платформасын, шайлоо алдындагы убадаларын жана бийликтен кийинки натыйжаларды талдоо максатында гана колдонулбайт. Ал эми демократиялык институттар актуалдуу эмес, жергиликтүү тарыхый чындык катары берилген. Азыркы саясий турмуштун таанытым чындыгы жөнүндө айта турган болсок, алар түздөн-түз контекстте негизги идеяларды үч конкреттүү тегиздикте өзгөртүшөт: тарых, этностун физикалык жана руханий дүйнөсү. Заманбап дүйнөдөгү ар кандай саясий түзүмдөрдүн өз ара аракеттенүүсү боюнча сунуштар берилген.

Түйүндүү сөздөр: саясий система; семантикалык тутум; мифология; лидер; салт; презентация.

**BINARY OPPOSITIONS OF THE POLITICAL LIFE
OF KYRGYZSTAN BASED ON THE ANALYSIS
OF THE COEXISTENCE OF THE LEADER AND SOCIETY**

F.D. Khaibulina

The article analyzes the evolution of the relationship between the government and society, using the example of presentation models typical for each stage of development of the Kyrgyz society. Studies of modern political life in Kyrgyzstan through structural analysis fit into the method of binary oppositions. In this method, binary oppositions are used not only for the purpose of comparing the elements of a particular leader we are interested in, his political platform, election promises and analysis of post-ruling results. And democratic institutions are presented as irrelevant, local historical realities. As for the presentation realities of modern political life, they directly transform in their context the main ideas in three specific planes: history, the physical and spiritual world of the ethnos. Recommendations for the interaction of various political structures in the modern world are given.

Keywords: political system; semantic system; mythologeme; leader; tradition; presentation.

Наши исследования современной политической жизни Кыргызстана через структурный анализ укладываются в метод бинарных противопоставлений. В данном методе бинарные оппозиции используются не только с целью сопоставления элементов интересующего нас того или иного лидера, его политической платформы, предвыборных обещаний и анализа постправящих итогов. Они рассматриваются также в глубинном – социокультурном, содержательном ракурсе. При этом выявление структуры “лидер – послание – коммуникации – выбор – итог” является ситуативным и неабсолютным, поэтому символический код будет иметь вид группы матриц, так как, с нашей точки зрения, не имеет смысла задерживаться на предвыборных платформах отдельных политических лидеров, партий, которые кроме излишнего пафоса, не несут практически никакой реальной смысловой нагрузки и, следовательно, могут быть структурированы больше по содержательному принципу, чем по смысловому.

Первую группу (мы обозначили ее как “А”) образуют значимые единицы политической системы, основанной на традициях государственности кыргызского этноса. Прежде всего, это – лидеры, политики прошедшие руководящую школу советского времени, или заработавшие социально-общественные дивиденды в новейшей истории Кыргызстана. Интересно, что, если даже представители данной группы непосредственно не участвуют в политической жизни страны, зачастую их мнение является главным, определяющим.

В группу “В” входят представители вторичной семантической системы, раскрывающей первичное и вторичное содержание политической идеи и представляющего их лидера или политика. Представители данной группы оперируют мифологемами, где на первом месте в общественное сознание проецируются традиционные мифы, вызывающие аналогию с лидером политического объединения или его идеями. Вторичный слой семантики, когда на основе традиционных образов выстраивается вторая, новейшая мифологема, “прекрасное прошлое” через лидера приведет к “светлому будущему” отринув мрачное настоящее [1, с. 98].

В практическом плане структура политического символа (лидер, лозунг, политическое объединение) зачастую сводится к тому, что какой-либо элемент общественной группы принимает символическую форму (группа “С”). Эта группа – союзник, а по-другому – “разогреватель” той политической силы, от которой она является реципиентом.

Особенностью политической жизни современного Кыргызстана является то, что представители этих двух структур – “А” и “В” – далеко не

всегда антагонистичны друг другу, так как в основном стратегия “А” применяется для достижения власти, а “В”, в свою очередь, используя тактику подмены понятий, для ее удержания.

Таким образом, сложность выстроенной политической, символической предвыборной модели обуславливается тремя собственными признаками презентации: 1) областью распространения идей, 2) значением или смыслом соответствия идеи и реальности, 3) социально-культурным уровнем распространения: целевой аудиторией, у которой создается впечатление последних десятилетий политической жизни Кыргызстана – важно не “выполнение”, а “ожидание”. При этих моделях значение восприятия лидера общественным сознанием зависит от представленных культурных и семантических значений, собственных лозунгов.

Внутри группы “А” элементы на уровне значения – современности и истории – противопоставляются друг другу, но центральный элемент “А” в объединении элементов группы “В” все же выступает как основной. Уровень значения программного выступления лидера уже определяется степенью смыслового отражения каждого из противопоставленных элементов, формирующихся в группе “С” и являющейся объединительным презентационным элементом “А” и “В”. В этом случае смысл существования лидера на политическом “Олимпе” Кыргызстана проявляется в его внешней, а не смысловой презентации, так как только на этом уровне, согласно национальной культуре, проходит идентификация “свой – чужой”. Если политическая элита, неважно во властных структурах или оппозиции, начнет делать ставку на идеологию, то она будет не понята соратниками проходной партии (группа “С”) и потеряет потенциально избирателя, так как лишится гласного диалога с сформировавшейся под выборы оппозицией: “На Киргизстане непосредственно отражается положение в Таджикистане и Афганистане. Любое изменение внешнеполитического баланса сил вокруг Киргизии и внутривнутриполитической ситуации в этой республике неизбежно затрагивает и Казахстан” [2, с. 122].

Все это иллюстрирует еще одну особенность политической жизни современного Кыргызстана – идейная презентация программных документов должна тут же стимулироваться материальным наполнением. Исходя из этого возникает интересная коллизия политического лидера между предвыборными лозунгами и их реализацией. Лозунги, впрочем, как и сама программа, зачастую носят утопический, иллюзорный характер, невозможность выполнения которых понимает как сам лидер, так и большинство избирателей. Поэтому

избиратели во время предвыборной гонки стремятся получить как можно больше материальных благ, а лидер после избрания – как можно больший доступ к материальным ресурсам.

Если данную схему рассматривать через национальную презентацию как внутри, так и вне пространства, то мы видим, как под влиянием предвыборной модернизации, о которой мы упоминали выше, меняется само понятие “культурной идентификации” и ее отражение знаковой системы в символическом пространстве, где формируется взаимосвязь “знак – символ”. Эта взаимосвязь является при актуализации кодом и преобразуется в новейшей истории в отражающий стереотип поведения для последующих поколений. В плане реализации этой идеи в воспитании подрастающего поколения – молодых “лидеров будущего Кыргызстана”, стереотип подразумевает форму поведения для вхождения в группу “С” или, если будет значимый ресурс в качестве постоянной поддержки, то и группу “В”, а также технологию стимулирования и управления населением, презентуемую через мифологизацию как “сакральная” идея, передающаяся из поколения в поколение. Если мы обратимся к содержательной структуре идеи воспитания, то увидим, что здесь власть решает сразу две задачи: первая – создание и воспроизводство новых техник в выборном и властном пространстве и вторая – подбор молодых кадров наиболее лояльных и зависимых от старой политической школы.

При всех этих условиях выборы превращаются в своеобразный поток сознания, который, в свою очередь, преобразуется в поток выбора избирателя, т. е. отождествляет любого лидера или политического деятеля, который различными способами привлекает голоса. При изготовлении и использовании новой сакрализации в любом случае применяются традиционные и идентификационные скрепы, а в традиционных образах при ассоциативных аналогиях сознательно уничтожается первоначальный смысл. Уничтожая первоначальный смысл, политическая партия фактически создает новое, созданное под социально-экономическое мировоззрение и окружающее пространство, но в любом случае это будет разрушение первоначальной идеи, т. е. первоначального смысла объединения общества.

Другими словами, понятие времени политической платформы современного Кыргызстана как понятие следования, а соответственно и изменения культурного пространства, – это есть понятие объективных действий (рефлексия) в отражении окружающей действительности. Как мы думаем, эта точка зрения смогла бы примирить искусственно вызванные противоречия политической жизни

Кыргызстана. С другой стороны, лидеры политических объединений, с точки зрения стабильности, путем пошаговых преобразований, могли бы модернизировать социально-экономическую ситуацию в стране. В связи с этим имеет смысл рассмотреть выстроенную нами модель элементов политической жизни современного Кыргызстана.

Политический лидер – имеющий дуализированное осмысление, с одной стороны ориентированный на выполнение воли избирателя, с другой – насаждающий свою волю тем же избирателям. Смена смыслов происходит в соответствии с общественными ожиданиями: либо стабильность, либо перемены. Однако в любом случае, выполнение социального заказа происходит через решение личных запросов, и это полностью соответствует кочевой политической традиции, которая не приемлет образ жертвы.

Политическая платформа – “взаимные решения”, техника манипуляции общественным сознанием, созданная под политического лидера, включающая в себя элементы субъективной реализации, так и объективной презентации во внешнем пространстве. Это особая техника, характерная для кыргызстанской политической жизни, так как политический лидер, делающий акцент в своей программе на выполнение заказов поддерживающих его социально-общественных групп имеет, с точки зрения национальной традиции, более строго и четко обозначенные линии реализации будущего.

При практической реализации идей “будущего” страны, возникающей при реализации объединения различных предвыборных партий и политических платформ, мы решили проиллюстрировать на примере абстрактного, но вполне реального политического лидера и его программы, выполненной в технике “взаимных решений”.

Группа “А”

1. Политические традиции, передаваемые предыдущими поколениями политического бонда – легального и теневого руководства страны, в иллюстрации политической преемственности, а значит и сохранения зон влияния прежних руководителей.

Адаптация традиционных методов руководства кочевым сообществом (бай-манапство) к новым системам социалистических реалий шла параллельно с этапами государственного строительства (20–30-е гг. XX в.) – перевод политических традиций в формируемые [3, с. 64–65].

Связующим звеном между различными элементами политической жизни национальной элиты того времени являлся конатат – побуждение к действию и выживанию, при сохранении прежних привилегий. В данной группе конататами

были идеи обращения к традициям предков, которые, разумеется, актуализировали рецепт реального сохранения кыргызского общества перед абстрактными внешними угрозами – со стороны власти “передаваемые”, со стороны общества – “используемые”.

Знак – традиции, сохранения внешних атрибутов власти “образование – богатство – опыт”.

Вырабатывается **символ**: кыргызский народ для повседневного существования использует образ власти как форму сохранения традиции и собственной идентификационной привлекательности.

Формируется национальный **смысл**: власть – как традиционная трансляция кыргызского народа, используемая в повседневной презентации.

Отсюда и местечковые устремления государственных деятелей, и стандартизируемые в различных поколениях образы элиты, и отсутствие глобального интереса остального населения, довыборного интереса к политической и экономической жизни в стране.

Группа “В”

2. В процессе эволюции государственного строительства, а соответственно и политического руководства, видоизменялась структура подхода к новым политическим реалиям. Для легитимации личности и ее команды в политике требовалось сохранение преемственности политического руководства. Интересно, что в этом процессе на уровне восприятия общественным сознанием практически не играли никакой роли решения центра – Москвы, т. е. даже свергнутые силовыми методами национальные лидеры оставались ими в глазах населения, только их образы больше подвергались мифологизации, кстати, нашедшей отражение в национальной исторической науке и публицистике. Для полной реализации структур политической преемственности, а значит и сохранения контроля над ресурсной базой, требовалось ввести элементы последовательного воспитания, а с ними и поступательного вхождения во властные структуры [4, с. 42]. И здесь для сохранения общественного равновесия между прежними лидерами и их воспитанниками вступает в силу программа “взаимных уступок и решений”. Поэтому в общественно-политической среде реализуется следующая схема: традиционное руководство адаптирует власть, которая легализуется только через политику преемственности, что характерно для социалистического этапа развития республики (30–80-е гг. XX в.).

С помощью данной легитимизации модернизируется и сама схема требований к политическому руководству: “модель власти в Киргизии стала соединять элементы полупрезидентской и президентской республики. Не являясь главой прави-

тельства, президент, тем не менее, имел огромные возможности по контролю за его формированием и деятельностью” [5, с. 82–94].

Знак – как сохранение традиций внешних атрибутов “опыт – образование – преемственность”.

Стиль “*преемственности*” – это техника “*соблюдения интересов*”, из заранее заготовленных моделей манипуляций общественным сознанием, которое, кстати, благодаря ресурсной базе не представляло собой каких-либо инновационных предложений. Отсюда и создание политики “равновесий”, характерной для времен застоя, когда поступательная преемственность, напроочь губила инициативу на местах. Это и стало одним из пунктов политических преобразований в стране времен перестройки.

Группа “С”

Характеризуется современной элитой новейшей истории Кыргызстана. Получается, когда политические течения, согласно нашей структуре, соединяют в единый смысл группу “А” с группой “В”, происходит это при следующих процессах – новоявленная финансово-промышленная элита общества через властные структуры требует собственной легитимизации. Нарушая традиционное равновесие и игнорируя политику преемственности, политического опыта. Напротив, данные положения мешают в предвыборной компании, которая строится на принципах победы над “темным прошлым”. Тем не менее данной группе требуется положительный имидж в глазах общественного мнения, который достигается путем искусственной сакрализации традиций политики управления. Формируется новый политический смысл: ресурсное богатство, как символизация власти: “Внешне-политический курс Бишкека был детерминирован рядом факторов, среди которых – соседство с нестабильными Таджикистаном и Узбекистаном, наличие в течение долгого периода времени исламской угрозы, существование развитого наркотрафика и т. д.” [6, с. 289].

Знак – как сохранение атрибутики управления “ресурсное богатство – предвыборное распределение – после выборного накопления”.

Политические традиции кыргызского народа при внешней презентации и распределении ресурсов страны характеризуются не социальными долгосрочными проектами, а одномоментным индивидуальным накоплением, как основной характеристикой этнической успешности [7, с. 67–69].

Тогда получается, что для конечной характеристики современного лидера в результате семантического анализа, характеристика “традиционная власть” не используется, но подразумевается.

В результате мы получаем: лидер, зачастую демагогически проецирующий в технике предвыборной платформы лозунги или общественные смыслы “традиция”, “заветы предков”, в глазах гражданского общества несет в себе национальную ценность и сохраняет традиции: “Таким образом, главной слабостью оппозиционных сил являлась их раздробленность, отсутствие четкой альтернативной программы развития страны. Оппозиция в Киргизии в основном была сосредоточена на критике реальных и мнимых ошибок президента и правительства” [2, с. 124].

Данная методика, с нашей точки зрения, не только отвечает за преобразование объекта-лидера, но и в последствии выстраивает коммуникацию исходя из культурной значимости знаково-символической характеристики, из ментальных установок кыргызского народа, где, как показало время, сохранились знаковые установки этнического восприятия действительности, которые необходимо учитывать в предвыборной агитации.

Положительные: жажда знаний, стабильности, желание справедливости, распределения ресурсов, толерантности, повседневная необременительная занятость населения, национальная исключительность.

Отрицательные: упадок образов и материальных объектов, их символизирующих, трайбализм, упадок промышленности, в первую очередь, сельского хозяйства, привычка решать личные проблемы общественным волеизъявлением: “В то же время Бишкек пытался использовать исламистский фактор в свою пользу. Раздувая опасность, грозящую со стороны исламского экстремизма, правительство преследовало несколько целей, утверждали наблюдатели в Оше” [8, с. 93–107].

Подводя итоги после реализации вышеперечисленных схем различных властных структур, мы приходим к парадоксальным выводам, популярность основной массы населения вызывает следующий образ национального лидера:

- 1) легитимная + жестокая власть в руках национального этнического лидера;
- 2) стабильность в стране, отраслевая стабильность;
- 3) социально-экономическое повышение уровня жизни населения;
- 4) повышение уровня традиционной культуры неизбежно приведет к толерантности патриотизму;
- 5) традиционная политическая культура должна адаптироваться к универсальным символам.

Другими словами, если не будет легитимной, жесткой власти в руках авторитета, то невозможна реализация всех вышеперечисленных пунктов.

К сожалению, данный образ осознанно рекламируется по аналогии с лидерами соседних постсоветских государств как единственно возможный при выходе из кризиса: “Новый курс Кремля проявляется в намерении вернуть России позиции великой державы в соседних регионах. В последнее время Москва демонстрирует готовность использовать свои ресурсно-стратегические преимущества (в частности “нефтегазовое оружие”) для реструктуризации своего окружения” [9, с. 44–61]. Решающую роль в построении политической системы в национальном государстве играет субъект, а демократические институты презентуются как неактуальные, локальные исторические реалии. Что касается презентационных реалий современной политической жизни, то они непосредственно преобразуют в своем контексте основные идеи в трех конкретных планах – история, физический и духовный мир этноса.

Литература

1. *Немых А.П.* Примеры исторически обусловленных коммуникативных аспектов в этногруппах Кыргызстана / А.П. Немых // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9. № 5.
2. *Суюмбаев М.Н.* Геополитические основы развития и безопасности Кыргызстана (глобальный, региональный и национальный аспекты) / М.Н. Суюмбаев. Бишкек: ИИМОП КНУ, 2005.
3. *Эшимбекова Н.С.* Элементы мифологизации в эволюции национальной идеи / Н.С. Эшимбекова // Вестник КРСУ. 2012. Т. 12. № 3.
4. *Эшимбекова Н.С.* Эволюция национального самосознания в эпоху глобализации / Н.С. Эшимбекова // Вестник КРСУ. 2012. Т. 12. № 3.
5. *Трофимов Д.* Россия и США в Центральной Азии: проблемы, перспективы, интересы / Д. Трофимов // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 1.
6. *Лаумулин М.Т.* Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике / М.Т. Лаумулин. Алматы, 2008.
7. *Немых А.П.* Этнические проблемы и современность / А.П. Немых. Бишкек, 2003.
8. *Подлесный П.Т.* Мир, США и Россия в начале XXI столетия: сценарии мирового развития / П.Т. Подлесный, А.В. Сыромятов // США – Канада. М., 2006. № 7.
9. *Арон Л.* США и Россия: отношения сквозь призму идеологий / Л. Арон // Россия в глобальной политике. М., 2006. № 3. Т. 4.